

УДК 32

Горохов А.А., Убирия И.Ф.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

«ЭСТЕТИКА ЖИЗНИ» И ПРОБЛЕМА ЭГАЛИТАРНОГО ПРОГРЕССА В ТВОРЧЕСТВЕ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА

Аннотация. В статье анализируются социально-политические взгляды К.Н. Леонтьева в части его отношения к прогрессу и развитию в социокультурных и политических аспектах на основе эстетического критерия. Идея эстетического восприятия действительности является центральной в теоретических изысканиях Леонтьева не только культурологического, но и философского и политологического характера. Одно из наиболее значимых понятий в концепции Леонтьева – «эстетика жизни» – включает не только красоту явлений, но и другие сферы жизни общества и основывается на принципах разнообразия и противоборства. Можно утверждать, что критика Леонтьевым либерально-эгалитарного прогресса также сформировалась на основе эстетического отношения к миру.

Ключевые слова: Леонтьев, эгалитарный прогресс, развитие, «эстетика жизни», Россия.

A. Gorokhov, I. Ubiriya

Lomonosov Moscow State University

"AESTHETICS OF LIFE" AND THE PROBLEM OF EGALITARIAN PROGRESS IN K. N. LEONTIEV'S CREATIVE ACTIVITY

Abstract. The article analyzes social and political ideas of K. N. Leontyev in terms of his attitude to the progress and development in social, cultural and political aspects on the basis of aesthetic criteria. The idea of aesthetic reality perception is central in Leontyev's theoretical researches which have not only cultural nature, but also philosophical and political ones. One of the most important concepts in Leontyev's theory is "aesthetics of life", which includes not only the beauty of phenomena, but other spheres of society's life, and is based on the principles of diversity and confrontation. It can be stated that Leontyev's criticism of the liberal-egalitarian progress was formed on the basis of aesthetical perception of the world.

Key words: Leontyev, egalitarian progress, development, "aesthetics of life", Russia.

Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891), один из наиболее ярких, но незаслуженно забытых мыслителей второй половины XIX в., парадоксальным образом соединял в себе художника, мыслящего эстетически-

ми образами, и учёного, стремящегося максимально обосновать свои глубоко продуманные жёсткие и фиксированные теории.

Между тем, идея красоты, изначально характеризовавшая личное восприятие окружающей действительности самим Леонтьевым, наложила глубокий отпечаток на всё его творчество, пронизывая и объединяя его культурологические, историософские, а также социально-политические теории. Так, в своих письмах к В.В. Розанову мыслитель отмечал: «Я считаю *эстетику мерилом* наилучшим для истории и жизни, ибо оно приложимо ко всем векам и ко всем местностям» [10, с. 175].

Согласно Леонтьеву, «эстетика жизни» не сводится исключительно к красоте явлений, это значительно более широкое понятие, касающееся всех сфер жизни и основанное на разнообразии (людей, положений, государств, общественных устройств, природы, традиций, культур, религий). Разнообразие часто порождает борьбу, которая тоже прекрасна в своей силе.

Таким образом, понятие «эстетика жизни» включает три составных элемента. Это собственно красота (прежде всего, её внешняя форма), разнообразие и противоборство. С помощью этого положения Леонтьев не только оценивал отдельные явления действительности, но и положил его в основу теории развития общества, культуры и государства. Так, по его небезосновательному утверждению, «...только там *государственность сильна*, где в жизни ещё много разнородной эстетики, что эта видимая эстетика жизни есть признак внутренней, практической, другими словами, – творческой силы» [10, с. 176].

Можно утверждать, что критика Леонтьевым либерально-эгалитарного прогресса, а также его теоретические изыскания, вплоть до политических взглядов, вызревали на основе эстетического отношения к миру.

Так, по мнению Н.А. Бердяева, Леонтьев «...сделался „консерватором“, потому что увидел, что прекрасное на стороне церкви, монархии, войска, дворянства, неравенства и т.д., а не на стороне современного равенства и средней буржуазности. Образ прекрасного был для него связан с разнообразием. Прекрасно лишь общество, основанное на разнообразии, на дифференциациях, на неравенстве. Это стало аксиомой его общественной философии» [2, с. 47]. Леонтьев, благодаря своей творческой интуиции, первым остро ощутил, что то, что люди именуют прогрессом, на самом деле несёт смерть красоте жизни и многообразию её культурных, национальных форм.

Действительно, Леонтьев утверждал, что культура и есть своеобразие. Это своеобразие проявляется, во-первых, через систему принципов и идей в религии, в политике, в юриспруденции, в философии, в экономике; во-вторых, через вещественные явления. К вещественным проявлениям куль-

туры Леонтьев относил, в том числе, города, здания, литературные произведения, одежду и т.д. Элементы культуры в своей совокупности составляют государство и общество. Все проявления культуры, по мнению Леонтьева, должны быть красивы и своеобразны. Красота у Леонтьева имеет социальное проявление, которое выражается, с одной стороны, в разнообразии, а с другой – в единстве.

Эстетик и художник мысли, Леонтьев в общественных отношениях ведущее значение отводил эстетизму, которому свойственно единство в разнообразии и гармонии. Однако гармония для Леонтьева «не есть мирный унисон, а плодотворная, чреватая творчеством по временам и жестокая борьба» [8, с. 140]. На основании такого понимания гармонии некоторые исследователи приходят к выводу, что Леонтьев «проповедовал мораль ценностей красоты в противоположность морали, основанной на сострадании к человеку» [12, с. 109] или «в поисках эстетически приемлемых форм<...> часто выбирал неверные социально-политические средства» [17, с. 33]. Но это мнение весьма спорно. Так, например, очень распространена противоположная позиция, заключающаяся в том, что эстетизм Леонтьева не противостоит гуманизму, поскольку «каждый должен уметь любоваться тем, что есть: это же талант именно! Бытие и Жизнь в любых условиях и строях – всё и полностью целиком есть. И если ты сам богат натурой и духом, ты и вокруг богатство и красоту и чёткость форм узришь; а коль беден – то всё не по тебе, и всё менять-перераспределять, чтоб чужим обогатиться» [3, с. 51]. Здесь необходимо отметить, что в понимании Леонтьева человек, а также любая система или процесс в абстракции не представляли никакой ценности, поскольку ценность приобретает только то, что развивает или сохраняет эстетическое начало, поддерживает неравенство, контраст, разнообразие в обществе. И, как следствие, всё, что способствует достижению эстетики в обществе, Леонтьев приветствовал, а всё, что удаляет от «цветущей сложности», критиковал до полнейшего отрицания.

Леонтьев был необычайно плодотворен и интересовался множеством проблем, однако в большей степени его увлекала идея прогресса и тесно связанная с ней гипотеза триединого процесса и вторичного упрощения – уничтожения всего многоцветия жизни посредством всеобщего уравнивания.

При этом Леонтьев категорически различал между собой понятия прогресса (который он понимал прежде всего как либеральный прогресс) и развития. Так, именуя прогресс «эгалитарно-либеральным процессом», он приходит к выводу, что данный прогресс есть «*антитеза процессу развития*» [8, с. 130]. Разграничение понятий развития и прогресса как эгалитарно-либерального процесса у Леонтьева определяется по конечному результату и по его значимости для всей культуры. Развитие – это всегда

усложнение структуры и связей, начал и форм, которое проявляется как индивидуальность, разнообразие, обособление, но не изоляция, а в некотором роде «осознание» своей особенности и оригинальности. Прогресс же, в понимании Леонтьева, отражает изменения прямо противоположного порядка, он представляет собой «разлитие», упрощение, смешение, разложение, усреднение, стремление к однообразию, что связано со стиранием контуров, индивидуальностей, обособленности, размытостью форм, в итоге приводящей к гибели всей системы [1, с. 32–33].

Развитие ведёт к стойкости и жизнеспособности общественного организма, к единству, которое возможно только при высоком многообразии, порождающем взаимодействия разной степени сложности. Прогресс же нивелирует как многообразие в самой социальной системе, так и сами взаимосвязи между её составляющими, а следовательно, приводит к ослаблению единства и гибели целого, что, в трактовке Леонтьева, представляет собой процесс смесительного упрощения, разложения. Иначе говоря, эгалитарный прогресс ведёт к уменьшению эстетического, а развитие, наоборот, увеличивает эстетичность явлений.

К последствиям эгалитарно-либерального процесса Леонтьев относил, прежде всего, равенство во всех его проявлениях. Равенство, в понимании Леонтьева, противоестественно для любой природной и общественной системы, попытка же осуществить полное равенство неминуемо обернётся гибелью культуры. Экономическое, политическое, культурное «равенство лиц, равенство сословий, равенство (т.е. однообразие) провинций, равенство наций – это всё один и тот же процесс; в сущности, всё то же всеобщее равенство, всеобщая свобода, всеобщая приятная польза, всеобщее благо, всеобщая анархия, либо всеобщая мирная скука» [8, с. 108]. Свободу и демократизацию, таким образом, Леонтьев связывает с утилитаристскими идеалами, ведущими людей к обществу всеобщей пользы: «Своеобразие ныне почти везде гибнет преимущественно от политической свободы. Индивидуализм губит индивидуальность людей, областей, наций» [8, с. 108]. Проблеме равенства близка идея торжества «среднего человека», с которой связана тенденция к смешению социальных групп, что, в свою очередь, приводит к затуханию внутренних импульсов развития общественно-политической системы и культуры. Торжество среднего класса ведёт к усреднённости жизни, потребностей, интересов людей, однообразию быта, понятий, характеров, воспитания, космополитизму идей и чувств, как следствие, к умиранию многообразных и цветущих форм жизни.

Распространение эгалитарного прогресса приводит к неминуемому ослаблению веры в традиционные институты власти под влиянием революционных и демократических тенденций, а также под влиянием рацио-

нализма. Идейный соратник Леонтьева Розанов, продолжая мысль учителя [13], отмечает: «... всё менее и менее сдерживает кого-либо религия, семья, любовь к отечеству, – и именно потому, что они всё-таки ещё сдерживают, на них более всего обращаются ненависть и проклятия современного человечества. Они падут – и человек станет абсолютно и впервые «свободен». Свободен как атом труп, который стал прахом» [11, с. 291].

Следствием этого становится падение духовных потребностей в угоду материальным, а также преобладание упрощённого взгляда на мир, на взаимоотношения людей, на смысл жизни. По мнению Леонтьева, это «возвращает человечество к его исходной точке – к зоологической борьбе за равное право победить другого, преобладать, участвовать во всеобщей конкурентной борьбе» [5, с. 124]. Разваливаются созданные прежде устои, и люди в своей безрелигиозности и беспринципности вступают в борьбу за уравнивательные права, проникаясь ненавистью, завистью, жестокостью, теряя представления о духовности, о сложных чувствах и эмоциях, о высших понятиях, постепенно превращаясь в подобие животных. Розанов развивает дальше предположения Леонтьева: «... насколько все эти идеи (и подобные) просты, как мало они требуют умственного напряжения для понимания, это можно видеть из лёгкости, с которой они усваиваются среди народов самых первобытных и даже совсем диких» [11, с. 302].

Утилитаристская идея счастья, всеобщего блага становится новой религией в рабоче-мещанской федерации. В то время как для Леонтьева духовность сопряжена со страданием, люди захотели вовсе избавиться от страданий и достичь постоянного счастья, что, по мнению Леонтьева, невозможно: «... зло так же присуще нравственной природе человека, как боль и страдания его телу» [9, с. 220]. В тяжкие времена, констатирует Леонтьев, человек становится духовно и нравственно богаче, зло уходит из его души вместе с бедой, в то время как люди, лишённые страданий, становятся чёрствыми, глухими к несчастьям других, безжалостными. По твёрдому убеждению Леонтьева, стремиться к абсолютному счастью значит заглушить в человеке его лучшие качества, его человечность [6, с. 47].

Особой опасностью, которую влечёт за собой эгалитарный прогресс, согласно Леонтьеву, является последующее уравнивание и конституционное однообразие государств при наличии выборного начала, утрата национальных особенностей в угоду общеуравнивательным движениям или наднациональности, космополитичности. Леонтьев убеждён, что национальное своеобразие является тем самым основообразующим столпом, «без которого можно быть большим огромным государством, но нельзя быть великой нацией. Предмет этот должен быть нам дороже всего <...> потому, что общая нравственность и общая наука не уйдут от нас, а национальное свое-

образе легко может уйти у славян в XIX веке» [7, с. 46]. При этом мыслитель жёстко указывает на невозможность лёгкого исторического перехода от национальных государств к безликой федеративной рабоче-мещанской республике, поскольку «на розовой воде и сахаре не готовятся такие коренные перевороты: они предлагаются человечеству всегда путём железа, огня, крови и рыданий!..» [8, с. 151].

Эгалитарно-либеральный процесс также спровоцировал безудержный рост промышленной индустрии и техники, что не могло не волновать Леонтьева. Индустриализация приобретала всеобщий характер, повсеместно произрастали её плоды. Леонтьев с горечью фиксирует, что государственное управление превратилось в индустрию, а искусство, в свою очередь, стало разновидностью техники. Рабочие массы, народ становится преимущественно безнациональным и безрелигиозным, иными словами, люди превращаются в обездушенные винтики в государственной системе, созданной и управляемой по типу индустрии. Это не путь к высшей эре, но дорога к гибели. Излагая учение Леонтьева, Розанов отмечает, что после исторической катастрофы, к которой неминуемо приведёт либеральный прогресс, не будет более «ни религии и её выражения – церкви, ни «бесплодных искусств», ни философских созерцаний. Только «машины» свои они перетаскают туда, около которых трудятся, которые их обездушили, – как раб уносит в могилу цепи, вросшие в его тело» [11, с. 296].

Следствием подобных тенденций становится прогрессивно-научное уничтожение природы, от которой всё более отрывается свободный, гордый своим разумом человек. Человеку становится присущ индивидуализм, погубивший его индивидуальность. Таким образом, Леонтьев одним из первых отметил важность экологии для развития социальной системы и культуры.

По мнению Леонтьева, вышеперечисленные итоги превращения культуры в цивилизацию не отвечают, во-первых, эстетическим идеалам, так как для эстетики характерно разнообразие положений и характеров, подвигов, восторгов, горя и борьбы, а эгалитарно-либеральный процесс этому не способствует. Во-вторых, они противоречат религиозным верованиям, нравственным устоям, так как высшая степень нравственности возможна лишь при свободном выборе добра и зла, особенно тогда, когда это очень трудно и опасно.

Леонтьев подвергал жесточайшей критике эгалитарно-либеральный процесс, исходя из консервативно-религиозной концепции испорченности и греховности человека. Леонтьев не принял распространившиеся в XIX в. гуманистические представления о человеке, он не принял «розовое христианство» Ф.М. Достоевского. Мыслитель утверждал, что эгалитарно-

либеральный процесс приводит к гибели культуры, природы, государств и впоследствии приведёт общество к ещё более тяжёлому рабству, чем то, которое человечество знало до этого. Он всеми силами своих рассуждений пытался противопоставить эгалитарно-либеральному процессу настоящее развитие.

При этом как в Западной Европе, так и в странах Юго-Восточной Европы эгалитарно-либеральный процесс, по мнению Леонтьева, уже перешёл свою опасную черту, за которой наступившая нивелировка государственных форм, преобладание материальной стороны культуры вызывает необратимые потери её духовной составляющей.

Так, по убеждению Леонтьева, европейский национализм XIX в. стал «орудием всемирной революции», целью которой было «установление господства среднего человека», враждебного национальному своеобразиею, и ведущего к установлению рабоче-мещанской федерации. Поэтому Россия, чтобы сохранить своё своеобразие перед угрозой либеральных течений с Запада, должна сторониться не только «эгалитарно-либерального смешения», но и племенного национализма. Для создания самобытной российской культуры необходимо, в первую очередь, твёрдое охранение национального своеобразия. Объединительным стержнем такого государства должен стать византизм с его православием и самодержавием в качестве основ [16, с. 243].

Леонтьев неоднократно подчёркивал, что в России сохранились внутренние необходимые основания для сохранения своей самобытности: монархическая власть, византийско-православная религия с консервативным церковным строем, крестьянская община. Иными словами, в «византизме» Леонтьева будто воскресает уваровская триада «Православие. Самодержавие. Народность». При этом к известной триаде добавляется ещё четвёртый элемент – поэзия и эстетика жизни, являющаяся, собственно, выражением той самой «цветущей сложности», приходящей на самой вершине исторического и культурного развития народов, культур, государств [4, с. 13].

При этом Леонтьев рассматривает весь общественно-политический и исторический процесс не с позиции идеологии, а с позиции конечной цели.

Так, поскольку Леонтьев убеждён, что Россия должна сохранить и приумножить своеобразие своей культуры, то в своих рассуждениях он преследует данную цель – создание в России «цветущей сложности», чтобы страна развивалась, а не прогрессировала в направлении, уготованном ей либеральными «прогрессистами». В этой связи известное высказывание Леонтьева «Россию нужно подморозить» следует рассматривать как его чётко выраженное стремление сохранить те процессы, которые способствуют

развитию многообразной культуры. На первый взгляд кажется, будто здесь есть противоречие: развитие благодаря сдерживанию. Однако, по мнению мыслителя, бывают моменты, когда необходимо быть «парусом или паровым котлом», а когда – и «якорем». Всё зависит от того, ведёт ли это к развитию или к прогрессу.

Развивая свою мысль, Леонтьев утверждает, что «прогресс, то есть последующая ступень истории, её завтрашний, так сказать, день, не всегда носит характер более эмансипационный, чем была ступень предыдущая, чем период истекающий или истёкший» [9, с. 247]. Исходя из этого, «*могут стать прогрессом, в свою очередь, и всякие реакционные меры, и временные, и законодательные – раз только меры, освобождающие личность человеческую, достигнут так называемой точки насыщения*» [9, с. 247]. Леонтьев настойчиво убеждает читателя в том, что «настало время реакционного движения, если не для всех, то, по крайней мере, для некоторых сторон жизни» [9, с. 241–242].

На наш взгляд, упрочение в России подобного консервативного подхода к развитию культуры стало ответом на возникновение и засилье как либеральных, так и позитивистских течений, сформировавшихся в Европе в XIX в. и оценивающих личность и плоды её деятельности как обездушенные объекты, используемые с целью извлечения полезности. Отечественные исследователи В.С. Стёпин и В.Л. Хмылёв отметили те особенности развития культуры XIX в., которые, на наш взгляд, актуализировали формирование консервативной идеологии в России. Так, Стёпин отмечает, что в XIX в. «в культуре техногенной цивилизации отчётливо оформилось отношение к различным человеческим качествам и социальным феноменам как к объектам управления и преобразования» [14, с. 38]. При этом Хмылёв утверждает, что «если в Средние века европейская гуманитаристика была подчинена интересам католической церкви, то в XIX в. ситуация коренным образом изменилась – промышленная революция вызвала к жизни потребность изучения полезных качеств человека, с целью их практического использования в системе индустриального производства» [15, с. 202].

В результате мы можем констатировать, что в XIX в. идея преобразования стала ведущей, при этом само преобразование не ограничивалось только материальными отношениями, но и перешло в сферу идеального, в область духовной культуры. Но поскольку зарождающаяся индустриальная культура не могла найти оснований для развития в традиционной культуре, то она стала развиваться через отказ от традиционного опыта. Здесь, по нашему убеждению, происходит водораздел идеологий. Социализм и либерализм становятся идеологиями, отражающими ценности новой культуры. Отказываясь от ценностей традиционного общества,

эти идеологии обосновывают стремительный революционный прогресс и повсеместное распространение достижений техногенной цивилизации, в том числе и применительно к духовной сфере, которая, вследствие этого, просто нивелируется, как не имеющая практической полезности, не значительная. При этом консерватизм, сохраняя и тщательно оберегая ценности предшествующего этапа исторического развития, содержал в себе призывы перейти эволюционно от аграрной культуры к индустриальной, максимально охраняя ценности традиционного общества, то исторически сложившееся национальное, религиозное, культурное и бытовое многообразие жизни, о сбережении которого так радел в своём творчестве К.Н. Леонтьев.

Литература:

1. Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Шириняц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX в. : К.Н. Леонтьев. М.: Книжный дом «Университет», 2000. 228 с.
2. Бердяев Н.А. Константин Леонтьев : Очерк из истории русской религиозной мысли // К.Н. Леонтьев: pro et contra. СПб., 1995. Кн. 2. С. 29–179.
3. Гачев Г.Д. Русская дума: портреты русских мыслителей. М.: Новости, 1991. 304 с.
4. Козырев А.П. Разбиватель стёкол // Инф. бюллетень Форума «Бердяевские чтения» : Самопознание : Леонтьев как воспитатель. 2015. № 3. С. 10–14.
5. Корольков А.А. Константин Леонтьев и его эстетическая картина эгалитарного прогресса // Философские науки. 1991. № 11. С. 115–127.
6. Корольков А.А. Пророчества Константина Леонтьева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1991. 200 с.
7. Леонтьев К.Н. Грамотность и народность // Леонтьев К.Н. Собр. соч.: в 9 т. Т.7. СПб., 1913. С. 13–55.
8. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891). М., 1996. С. 94–155.
9. Леонтьев К.Н. Передовые статьи Варшавского дневника 1880 г. // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891). М. 1996. С. 218–262.
10. Леонтьев К.Н. Письма К.Н. Леонтьева к В.В. Розанову : 13 августа 1891 г., Опт. П. // Корольков А.А. Пророчества Константина Леонтьева. СПб. 1991. С. 118–198.
11. Розанов В.В. Теория исторического прогресса и упадка // Русский вестник. 1892. Т. 219. Март. С. 281–327.
12. Слесарева Г.Ф. Константин Николаевич Леонтьев // Философские науки. 1991. № 11. С. 105–115.
13. Сорокопудова О.Е. Политическая мысль В.В. Розанова: специфика и проблемы исследования : дис. ... канд. полит. наук / [Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. М., 2012. 185 с.

14. *Стёпин В.С.* Генезис социально-гуманитарных наук (философско-методологические аспекты) // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 37–43.

15. *Хмылёв В.Л.* Идеология как концепт // Известия Томского политех. ун-та. 2005. Т. 308. № 5. С. 200–203.

16. *Шириняц А.А.* Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 568 с.

17. *Шириняц А.А., Мячин А.Г.* Русская социально-политическая мысль XIX в.: К.Н. Леонтьев. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. 120 с.